

УДК 94(47).07+343(470)

Маргинальные профессионалы? Власть, община и «непотребство» в российских уголовных делах о евреях первой половины XIX века

Ольга Юрьевна Минкина

ORCID: 0000-0003-3669-4721

Кандидат исторических наук

Независимый исследователь

E-mail: ol.mink@yahoo.com

DOI 10.31168/2658-3356.2022.5

Аннотация. До 1843 года проституция в Российской империи была полностью криминализованной, нелегальной сферой. Евреи — держатели борделей, проститутки, их еврейские и нееврейские клиенты чаще всего становились «видимыми» для властей в связи с другими правонарушениями: кражами, укрывательством преступников и т. д. Это во многом определяет структуру нарратива сохранившихся документов: выявление преступников, расследование, меры защиты обвиняемых. Но являлись ли эти евреи в глазах как еврейской общины, так и нееврейских соседей презируемыми маргиналами, находившимися за пределами благоустроенного социума, или же профессиона-

лами, занимавшими специфическую теневую нишу? Евреи, вовлеченные в «промысел непотребством», могли добиться снисходительного отношения местных чиновников и полиции, тогда как власть на более высоких административных уровнях периодически демонстрировала готовность к контролю и преследованию ненормативной сексуальности, порой даже предписывая кагалам осуществлять надзор за нравственностью евреев. При этом в текстах, исходивших от представителей власти, отсутствовали ставшие общим местом во второй половине XIX века утверждения о ведущей роли евреев в организации проституции.

Евреи — содержатели борделей и проститутки были органичной частью мультинациональной и мультикультурной криминальной городской среды. Их отличала высокая степень аккультурации и адаптации к нееврейскому окружению. Отношения с ними евреев — «честных граждан», отраженные в обращенном вонне дискурсе, демонстрировали не только реакции отторжения и стигматизации, но и известную степень инкорпорации таких индивидуумов в жизнь еврейского общества. Вопрос о судьбе еврея, обвиненного в содержании борделя, мог стать предметом спора внутри общины: одни добивались его осуждения российскими властями, другие — оправдания. Дела о «непотребстве» выявляли внутренние конфликты, связанные с доношением, рекрутчиной, экономической конкуренцией.

Ключевые слова: проституция, еврейская община, преступность, профессионализация

Государственный контроль над проституцией и миф о «белом рабстве»

Проституция в Российской империи была криминализованной, нелегальной сферой вплоть до 1840-х годов, когда государственные учреждения, а следом за ними и общество, обратили внимание на эту область «теневого экономика». В середине XIX века в России происходил трансфер европейского опыта легализа-

ции и регламентации проституции и контроля над ней [Bernstein 1995: 15–24]. Евреи, вовлеченные в организацию проституции в западных губерниях, еврейки-проститутки и разного рода маргиналы, в той или иной мере связанные с миром продажной любви, в первой половине XIX века нередко оказывались в сфере внимания уголовных судов различного уровня, а во время разработки правительственных мер по регламентации проституции в начале 1840-х годов — в сфере внимания чиновников, занимавшихся подготовкой реформы. Этот последний этап, в отличие от предыдущего «нелегального», хоть и слабо, но отражен в историографии темы.

Юрист и высокопоставленный государственный служащий М. М. Боровитинов в 1910 году утверждал, что, согласно отчетам, представленным в Министерство внутренних дел губернаторами, губернскими врачебными управами и врачами, командированными Медицинским департаментом Министерства внутренних дел в западные губернии, «в роли предпринимателей и комиссионеров» в «торговле женским телом» «выступали по преимуществу евреи» [Боровитинов 1910: 343]. Сохранилась только вторая часть комплекса материалов, которым, очевидно, пользовался Боровитинов. Содержащиеся во второй части донесения, полученные Медицинским департаментом из Витебской, Курляндской, Волынской и Черниговской губерний, никак не подтверждают общую оценку Боровитиновым данных из этого комплекса документов. С мест заявляли, что во многих городах и местечках черты оседлости нет борделей, а в некоторых даже нет проституток-одиночек. Витебский губернатор одобрительно отзывался о евреях, «обычай и закон которых строго запрещает распутство». Поэтому в Витебске мало проституток, а среди имеющихся нет ни одной еврейки, за исключением трех выкресток¹. Материалы отдельного дела об учреждении в Вильно врачебно-полицейского комитета по инициативе Виленской врачебной управы, последовавшего в ответ на упомянутое выше предписание Медицинского департамента Министерства внутренних дел, также содер-

¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 6. Д. 19. Ч. 2. Л. 250 об.–251, 260–261 об., 318–319.

жат лишь единичные упоминания о евреях: к примеру, отмечалась дискретность проституции, не сосредоточенной в одних только борделях: бедные шляхтянки, мещанки и якобы многие еврейки, занимавшиеся мелочной торговлей либо нанимавшиеся в услужение, периодически «подрабатывали» сексуальными услугами. Хотя, по словам виленского военного губернатора, «разврат господствует здесь более, чем где-либо», благодаря количеству и «качеству своего населения», «качество» могло относиться к неевреям — военным, чиновникам, приезжим и т. п., обеспечивавшим повышенный спрос на услуги проституток². Лори Бернштейн в своей монографии о проституции в Российской империи, следуя за неточным и тенденциозным изложением Боровитинова, утверждает, что представители местных властей в ответ на запрос из центра в 1840-е годы идентифицировали евреев как основных организаторов проституции в западных губерниях, что способствовало развитию позднейших негативных стереотипов о «белом рабстве» [Bernstein 1995: 162]. Сам термин «белое рабство» в значении «эксплуатации» евреями христианских девушек, якобы коварно вовлеченных ими в проституцию, прослеживается в западноевропейской публицистике с 1830-х годов [Ryan 1837: 14]³. В Российской империи данный дискурс, возможно, согласовывавшийся с интенциями части правительственных кругов и подпитывавшийся европейскими образцами, не использовался как клише во внутриведомственной переписке, а лишь изредка транслировался российскому обществу в литературных и публицистических текстах. К примеру, он обнаруживается в воспоминаниях Ф. В. Булгарина (1849):

² РГИА. Ф. 1297. Оп. 6. Д. 23. Л. 13, 12.

³ Современники насчитывали в Лондоне до 7400 евреев, связанных с этим промыслом. Еще 4000 евреев «из всех стран» (возможно, подразумевались и выходцы из Восточной Европы) будто бы торговали в Лондоне порнографическими литературой и картинками. Англичане, однако, отмечали и тот остракизм, которому все эти люди подвергались лондонской еврейской общиной [Ryan 1839: 193–198]. Компаративистское исследование мифов и реальности еврейской проституции в Западной и Восточной Европе первой половины XIX века могло бы быть очень интересно.

Гнусные люди, большею частью евреи и еврейки, торгующие падшими существами, как демоны, хватают <...> несчастную жертву в свои когти, развращают ее воображение, усыпляют совесть, заглушают стыд и затмевают слабый ум приманками мишурной роскоши и обманчивой будущности — и губят навеки! [Булгарин 2001: 277].

Дальнейшее развитие мифа было связано с осознанием обществом проституции как социальной и этической проблемы и поиском удобного объяснения, снимавшего вину с общества в целом [Bernstein 1995: 160–164; Jakubczak 2020: 86–92]. К историографии темы также можно добавить отдельные упоминания о евреях и проституции в работах, посвященных тем или иным аспектам истории евреев в Российской империи [Губарь 2013: 88–90; Petrovsky-Shtern 2014: 229].

Еврейский бордель в городском пространстве

Обращение к выборке судебных дел о евреях, судимых за «промысел непотребством», позволяет перевести сюжеты о евреях и проституции, относящиеся к малоизученному периоду первой половины XIX века, из контекста истории идеологии и истории антисемитизма в контекст истории повседневности мультикультурного и мультиэтнического пространства так называемого «Западного края» и расширить источниковую базу по теме. Обвиняя конкретных евреев в «непотребстве», доносчики и представители властей стремились нарисовать правдоподобную картину, содержащую и бытовые детали, нейтральные по отношению к основной повестке. Питейные заведения, арендованные евреями, были локусом пересечения низовых субкультур, не одобрявшихся традиционной еврейской моралью, в рамках которой, впрочем, предлагался порой и парадоксальный путь спасения еврейской души через постоянное созерцание христианского разгула [Dunner 2013: 29]. Содержатели трактиров, гербергов, «рестораций», как евреи, так и неевреи, нередко обвиня-

лись в том, что держат «непотребных» или «подозрительных» «девок»⁴. Сами эти женщины на следствии называли себя поварами, трактирными служанками, швеями, прачками, квартирантками своих хозяев и т. п.⁵, что, возможно, отражало и действительную множественную специализацию этих женщин или использование ими проституции в качестве временного побочного заработка. Осуществлялась проституция и в домах, принадлежавших содержателям⁶, и в специально снятых помещениях. В Херсоне в 1826 году Мошка Некст «нанимал комнаты особенные в доме офицерши Чепеляхи» для дочерей палача семнадцатилетней Александры («Сашки») и тринадцатилетней Акулины («Кильки») Ткаченковых. В 1827 году к ним для «блудодаяния» по «приглашению» Александры присоединилась шестнадцатилетняя Ольга, дочь отпущенного на волю крестьянина Шевченко. Александра якобы состояла в сексуальной связи с Некстом, а постоянным клиентом Акулины был еврей Гаврила Пункин, известный как «Гаврюшка-земледелец». Впоследствии над владельцем дома было организовано особое следствие за то, что она «давала в доме своем для непотребства и блудодаяния бесписьменновидным распутным девкам и женщинам пристанище»⁷. Проституток вывозили на «гастроли» на регулярно проводившиеся ярмарки⁸. Проживавших самостоятельно проституткок-одинокочек курировали сутенеры⁹.

Бордель Мошки Некста в Херсоне с весны 1827 года посещали грабители и бродяги Иван Лебедев и Василий Пушин и пили пунш и водку с Некстом, Мошкой Фурманом и евреем Гаврилой Пункиным. Собравшись грабить проживавшего у Рыбного рынка поручика Теплякова, Некст и Фурман переоделись в русские

⁴ РГИА. Ф. 1345. Оп. 239. Д. 296. Л. 55, 20, 36–36 об.

⁵ РГИА. Ф. 1345. Оп. 239. Д. 296. Л. 28; Оп. 326. Д. 270. Л. 18; Ф. 1582. Оп. 16. Д. 712. Л. 20, 25.

⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 333. Д. 112а. Л. 249 об.

⁷ РГИА. Ф. 1582. Оп. 4. Д. 2704. Л. 29–31, 12, 41, 157, 34, 35 об.

⁸ Там же. Л. 35 об.; Ф. 1345. Оп. 236. Д. 143. Л. 5 об.; Оп. 239. Д. 296. Л. 27.

⁹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 337. Д. 309. Л. 6, 39 об.–40, 12.

чекмени и картузы, а во время ограбления разговаривали с общниками «по-русски, малороссийски и по-татарски». Пункин признался в своем участии в ограблении Теплякова и показал, что большую часть своей доли добычи, 350 рублей, прогулял в борделе Ильи Скляревского, а 25 рублей дал тому же Скляревскому взаймы. Сам же петриковский мещанин Скляревский не отрицал, что занимается сводничеством, но «из приходивших к нему блудников, как помнит он, евреев не было», а Некст, Фурман, Пункин и «Лейзер по прозванию неизвестный» однажды ворвались к нему на квартиру и жестоко избили. Некст, видимо, расправлялся таким образом с конкурентом. При этом сводня-нееврейка Елена Кандачиха (Шевченкова), содержательница трактира с проститутками, фигурирует в деле об ограблении Теплякова в качестве соучастницы Некста: сестра Некста Сура Вульфова якобы поручила Кандачихе уговаривать Александру Ткаченко и угрожать ей, чтобы та переменяла показания, данные ею против Некста. Наконец, в связи с тем же делом был обвинен в «непотребстве» еврей Янкель Фортус, державший трактир на военном форштадте, куда грабитель Иван Лебедев приходил «пить чай и играть в бильярд», а затем вместе с Пушиным оговорил Фортуса как «наводчика» на дом Теплякова. Лебедев показал, что однажды летним вечером на толкучем привозном рынке (на Привозе) собрались Пушкин, купеческий сын Петр Медведев, поселянин с Голой пристани Степан, «по прозванию неизвестный», инвалидный солдат Журавлев и евреи Фурман, Пункин и Фортус. Медведев и Фортус предлагали ограбить поручика Теплякова, «сказывая при том, что у него много денег и вещей, и всем им можно обогатиться». Пункин также показал, что Лебедев, Пушкин и Фурман в тот вечер на Привозе говорили ему, будто узнали о богатствах Теплякова от Фортуса и Медведева. Фортус при этом стоял от них «вдалеке». На повальном обыске семь человек показали, что Фортус «занимается содержанием порочных женщин». Ранее Фортус был судим за кражу у херсонского мещанина Гершки Геринга, но был оправдан¹⁰.

¹⁰ РГИА. Ф. 1582. Оп. 4. Д. 2704. Л. 29, 30, 48, 50, 98 об.–99, 56–56 об., 47 об., 141.

В еврейской среде посещение борделей было частью досуга не только преступников¹¹, но и некоторых «честных граждан». Так, херсонского лавочника Хаима Вульфа однажды в марте 1820 года «во втором часу ночи взяли обходом из бордели пьяного». Документы о ссоре Вульфа и его жены с торговавшим с ним по соседству на рынке Греческого форштадта Ицкой Ванштейном, по-видимому, свидетельствуют и об усвоении херсонскими евреями русского слова «б...», поскольку именно его, передавая речь евреев, привели свидетели-русские: солдатский сын и коллежский регистратор¹².

В записке выкреста Зандберга о евреях в Петербурге представлен другой тип аккультурации евреев — держателей борделей, не усваивавших низовую культуру, как их собратья в черте оседлости, а стремившихся мимикрировать под «высокие» образцы и таким образом приблизиться к более состоятельным и привилегированным клиентам. Соответствующим образом менялась и культура предоставления сексуальных услуг: упоминаются не только бордельные «девки», но и содержанки. По словам Зандберга, евреи, приезжавшие из Митавы и Любавы, скрывались «под немецким платьем» и под показной «немецкой честностью и скромностью». Еврей Гейман содержал «главнейшую бордель <...> в третьей [городской] части в доме Петрова напротив съезжего двора» и нанимал женщин, которые уговаривали бедных девушек стать проститутками. При этом Гейман занимался благотворительностью (не указано, помогал ли он евреям или же христианам). Другой бордель держал Якобсон из Митавы, живший «во второй части в доме Бороздина, что в Большой Мещанской». Он также «доставляет девок в дома на содержание». Жена Якобсона — якобы христианка, принявшая еврейскую веру, и «разделяет с ним его ремесло». Наконец, Зандберг намекал, что Якобсон «должен быть подозреваем в других важнейших делах. Его поездка в прошлом году в Вязьму, а в нынешнем в Москву может принадлежать к сим подозрительным делам».

¹¹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 333. Д. 112а. Л. 385 об.–386, 399 об., 291 об.

¹² РГИА. Ф. 1582. Оп. 2. Д. 1661. Л. 6, 8–8 об.

Донос Зандберга был подан в 1826 году, во время выселения из Петербурга всех евреев, не имевших законных оснований для пребывания в столице, и был нацелен на все «болевые точки» властного дискурса о евреях (контрабанда, прием на государственную службу некрещеных евреев и др.). В сюжете о борделях это намеки то ли на политическую неблагонадежность Якобсона, то ли на какое-то крупное мошенничество, и тема прозелитизма. Однако Сарра Рахель Якобсон, «митавского жителя жена», чей отъезд из Петербурга в Митаву летом 1827 года был отмечен в списках евреев, оставленных на время в Петербурге, из материалов Еврейского комитета, очевидно, не подверглась судебному преследованию из-за своего якобы перехода в иудаизм¹³.

Бордель под судом: власть и община

Обычно содержателям притонов удавалось наладить хорошие отношения с местной полицией¹⁴. Волынский губернатор в своем рапорте в Сенат 15 декабря 1825 года не без оснований указывал на «слабое со стороны бердичевской полиции действие в соблюдении правил, Уставом Благочиния и прочими узаконениями предписанных, допущением публичного содержания непотребных женщин»¹⁵. Реже полиция могла сама инициировать дело по обвинению евреев в «непотребстве»¹⁶.

Следствие могло закончиться для обвиняемых штрафом либо заключением в смирительном доме, в зависимости от того, какой из соответствующих пунктов 263-й статьи екатерининского «Устава благочиния»¹⁷ будет применен судом в данном

¹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1831 г. Д. 791. Л. 35 об., 48.

¹⁴ РГИА. Оп. 239. Д. 296. Л. 70 об.; Оп. 326. Д. 270. Л. 16, 35; Ф. 1582. Оп. 2. Д. 513. Л. 5–7.

¹⁵ РГИА. Ф. 1345. Оп. 355. Д. 25. Л. 1222.

¹⁶ РГИА. Ф. 1345 Оп. 236 Д. 143 Л. 5–12 об.

¹⁷ ПСЗ 1. Т. XXI. 15379. 8 апреля 1782 г. «Устав Благочиния, или Полицейский». Ст. 263. п. 1, п. 3.

случае. Но особенную опасность для подсудимых представляли законодательные нормы, позволявшие ссылать в Сибирь как людей, «нетерпимых в обществе», так и «бродяг, не помнящих родства», и лиц, которых никто не соглашается взять на поруки. Маркеры идентичности, достаточные для функционирования в еврейской общине и городском пространстве, оказывались совершенно неудовлетворительными в глазах властей. В такой ситуации обвиняемые евреи могли полагаться лишь на поддержку общины и тех ее членов, кто соответствовал строгим законодательным критериям поручительства. Уважаемые евреи не только брали на поруки еврейских проституток, которым грозила ссылка как «не помнящим родства и прозвания»¹⁸, но могли даже отстаивать в суде правомерность обвинения своих соплеменников в «непотребстве» и доказывать фальсификацию приставом своих показаний на следствии¹⁹. Вступая таким образом в явную и опасную для себя конфронтацию с нижними эшелонами имперской власти, они демонстрировали важность для них таких ценностей, как внутриеврейская солидарность и «доброе имя» в еврейской среде, означавшее и хорошие перспективы деловых и родственных отношений. Эти ценности, как и страх прослыть доносчиком или быть осужденным единоверцами за обращение к нееврейскому суду, могли оставаться неизменными, даже когда речь шла не о «честных гражданах», но и о лицах, связанных с проституцией.

Были случаи, когда мнение и интенции разных групп в общине могли расходиться. Так, о супружеской паре Мордко и Бейле Розенберг из Полтавы в январе 1838 года составили «приговор» евреи, претендовавшие на выражение воли всей общины. Он был подписан тринадцатью евреями, но не представлен в имперские судебные инстанции. Составители «приговора» перечислили преступления Розенбергов: в 1826 году они продали в Киеве еврейку Лейбе Друкерману вместо пяти штук ткани обернутые тканью доски, держали проституток, по большей части христианок,

¹⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 236. Д. 143. Л. 5–12 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 236. Д. 143. Л. 5–12 об.

возили их на ярмарку в Ромны, а в 1829 году подстроили изнасилование рекрутом малолетней Голды Сахновской и затем склонили ее к «блудодаянию». В трактире Розенберга на реке Ворскле в 1835 году была изнасилована отставным поручиком Каратаевым восемнадцатилетняя дочь немецкого колониста Мария Вольф, которую туда заманил Розенберг. Евреи вспомнили и о том, что сама Бейла в 1835 году подала жалобу на мужа в полтавскую городскую полицию за побои и прелюбодеяние с одной из проживавших у них евреек-проституток, а он, в свою очередь, также подал полтавскому полицмейстеру жалобу «на непостоянную и развратную жизнь жены своей и за воровство у него разных вещей просил предать ее законному суждению и от совместного с нею жительства отказывался, боясь, чтобы она не лишила его жизни». После этого Розенберг развелся с Бейлой, а затем предлагал взятку полтавскому раввину Ицко Оршанскому за разрешение вновь вступить в брак с бывшей женой, но раввин считал Бейлу «воспращенной» мужу «на вечные времена». Галахические основания для этого не совсем ясны, так как в имеющихся у нас документах не поясняется, удалось ли кому-то из Розенбергов при разводе доказать факт прелюбодеяния супруга (супруги) перед еврейским духовным судом, а также не ясны другие обстоятельства их развода. После того как Розенбергу не удалось подкупить полтавского раввина, он с Бейлой отправился в город Кобеляк (Кобыляки) и там, «пользуясь неведением тамошнего еврейского духовенства о причинах, воспрещающих ему брачное с нею соединение», вновь женился на Бейле и потом открыто жил с ней в Полтаве. Раввин Оршанский пожаловался на Розенбергов кагалу. При этом раввин не обличал их как содержателей борделя, говоря только об их «запретном» союзе. В «приговоре общества» упоминался и недавний инцидент с белгородским купцом Богатыревым. Проезжая Полтаву, Богатырев 2 января 1838 года зашел в «рестарацию» Мордко Розенберга, который, «угощая его разными естественными и хмельными напитками, и пользуясь напилостию и бесчувствием, привел его к бывшей жене, упомянутой Бейле», содержавшей легальный шинок от питейного откупа и тайный бордель в доме еврея Арона на Подоле, «где,

окружив и разгорячив его еще более хмельными парами и непотребными прелестницами», вынудил его потратить 300 рублей, а еще 500 рублей у него выгащили проститутки. Евреи, подписавшие документ, «предоставили кагальным просить начальство» о наказании Розенберга, «дабы за столь гнусные поступки Розенберга поступлено было с ним, как с человеком вредным, нетерпимым и лишенным в обществе доверия, по законам». Впоследствии подписавшие «приговор» объяснили, что узнали, что по закону мещан можно ссылать в Сибирь за «дурное поведение»²⁰, то есть, видимо, об указах «О ссылке в Сибирь на поселение мещан и казенных поселян распутного поведения по приговорам мирских обществ»²¹ и указе 1832 года, в котором уточнялось, что данная правовая норма относится и к женщинам²². Указы были вызваны прецедентами с русскими мещанами в великороссийских губерниях, но полтавским евреям они не только стали известны, но и применялись ими для решения внутриобщинного конфликта. Таким образом, в случае необходимости эти евреи позиционировали себя как представители общеимперского сословия, а не этнической группы. Сам Розенберг объяснял появление «приговора» личной враждой с двумя из подписавших его евреев: Елей Либерманом и Азиком Богуславским, а доносы его родного брата Завеля Розенберга на него о тех же самых преступлениях, о которых говорилось в «приговоре», были вызваны якобы тем, что Завелю не удалось отдать в рекруты за свое семейство сына его брата Мордки по набору 1837 года. Однако факт, что Завель выступал в качестве свидетеля по упомянутому выше делу об изнасиловании колонистки Вольф в трактире Мордки Розенберга, свидетельствует о том, что вражда между братьями началась раньше. Во время следствия о Розенбергах в ответ на требование магистрата предоставить поручительство от двух третей «общества», что по закону должно было спасти Розенбер-

²⁰ РГИА. Ф. 1345. Оп. 239. Д. 296. Л. 67 об., 68 об., 28, 7 об., 29 об., 13–16, 64 об., 22 об, 25–25 об.

²¹ ПСЗ 2. Т. IV. 3274. 5 ноября 1829 г.

²² ПСЗ 2. Т. VII. 5631. 30 сентября 1832 г.

гов от ссылки в Сибирь, был представлен «приговор» от 20 февраля 1840 года от имени двадцати четырех евреев, «избранных», то есть уполномоченных для этого «целым обществом». Они просили оставить Мордко и Бейлу Розенбергов в Полтаве на поручительство, поскольку они «ведут себя во всех частях, относящихся к их поведению, очень хорошо и благопристойно, и никаких законопротивных поступков замечено никогда не было». Более того, Розенберг «полезен обществу» и «имел от общества доверие быть в числе отдатчиков» рекрутов по набору, за что «получил благодарность от общества» и денежную награду: 50 рублей. Подписавшие документ поясняли, что большинство евреев, приписанных к полтавскому мещанству, живут далеко от Полтавы, не могут присутствовать на общинном собрании и просили применить правовую норму, которая, как и в сходном случае с предыдущим приговором, относилась к мирским приговорам русских крестьян, когда для решения вопроса о ссылке в Сибирь или отдаче в рекруты за «распутное поведение» требовалась присяга не менее чем двадцати четырех человек²³. Что касается роли полтавского раввина Ицки Оршанского в деле Розенбергов, то он на тот момент находился в настолько глубоком конфликте с общиной, что 10 марта 1836 года жаловался в городскую думу на «несоблюдение» полтавскими евреями «обрядов веры». Раввин просил думу обязать евреев объявлять ему о готовящихся браках, обрезаниях, имянаречениях и погребениях [Из прошлого Полтавщины 1906: 20].

Полтавская еврейская община в деле Розенбергов продемонстрировала особенности своих практических, повседневных моральных норм, гораздо более широких, чем те галахические ограничения, которые отстаивал раввин, клеймя полтавских евреев за нарушения морали и обрядности. Эта мотивация могла присутствовать и в других случаях поддержки евреями единоверцев, обвиненных в «непотребстве». Отношение общины к проституции, таким образом, является важной характеристикой российских евреев как домодернового общества. Позднейшая

²³ РГИА. Ф. 1345. Оп. 239. Д. 296. Л. 66, 8 об., 55, 20, 36–36 об., 72–75 об.

«моральная паника» вокруг проституции являлась во многом продуктом модернизации и подпитывалась страхом за судьбу личности в изменившемся мире, беспокойством о репутации еврейского народа и желанием элит вернуть себе утраченный контроль над членами общины [Jakubczak 2020: 34, 184–218]. Относительная терпимость евреев по отношению к проституции в первой половине XIX века, вполне возможно, является косвенным свидетельством небольшой численности еврейских проституток и содержателей борделей, что совпадает и с оценками российских государственных деятелей, упомянутыми в начале данной работы. Девианты в таких малых количествах не могли вызвать настоящую «моральную панику» и были вписаны в специфическую нишу в обществе. В целом снисходительное (на практике) отношение евреев к проституции было вызвано не кризисом традиционной общины и утратой контроля, а, наоборот, субъективным ощущением элитой и еврейским населением устойчивости сложившегося порядка, включая особенности повседневной сексуальной морали, практик и понятий. Последние ощущались еврейской городской средой не как результат «упадка нравов», а как норма. Это и позволяло отстаивать существующую систему внутренней организации и горизонтальных связей с нееврейскими соседями перед чуждой внешней имперской властью. Даже доносчик мог при определенных обстоятельствах быть вписан в систему, хотя, несомненно, был куда более стигматизирован, нежели проститутка или содержатель притона.

Показательна в этом отношении история семьи Ротенкругов. Мать Иоселя Ротенкруга, в 1833 году обвиненного в ограблении курировавшейся им проститутки из польских дворянок Виктории Голашевской, Бейла Ротенкругова жаловалась, что это обвинение организовано богатейшим евреем Белостока, купцом первой гильдии Ицкой Заблудовским из-за того, что отец Иоселя Герша Ротенкруг тринадцать лет назад, в 1820 году, подал на Заблудовского донос о самовольной порубке тем казенного леса в Беловежской пуще. С Голашевской якобы состоял в любовной связи еврей, который по поручению Заблудовского подговорил ее к подаче жалобы на Иоселя Ротенкруга, а найденные в квар-

тире Ротенкругов воротник Голашевской и другие вещи были якобы кем-то туда подкинuty. Донос Герши Ротенкруга на Заблудовского был в свое время признан ложным. В 1832 году Герша Ротенкруг участвовал в нападении на местечко Боцки для поимки контрабандных товаров. Таким образом, не было ничего удивительного в том, что Ротенкругов никто не пожелал взять на поруки, что и определило их судьбу: все семейство отправилось в Сибирь на поселение. По-настоящему «нетерпимым» в еврейском обществе человека делал не «промысел непотребством», а опасность для экономических интересов общины и ее членов. Версию Ротенкруговой об организации обвинения против Иоселя может отчасти подтверждать роль в деле Ротенкругов другого представителя белостокской экономической элиты — Иосифа Гальперна, сына коммерции советника, который активно содействовал властям в расследовании, касавшемся, казалось бы, мелкого конфликта в маргинальных слоях городского населения: искал вещи Голашевской, находил и приводил свидетелей против Ротенкругов к квартальному надзирателю, и за шесть рублей нанял двух евреев в качестве своего рода «частных детективов» для розыска краденого. Исключительна для нашей выборки также фигура проститутки из дворянок. Сама Виктория Голашевская объясняла следствию, что, «не имея чем себя содержать, принуждена была допустить себя до распутной жизни». Ее отдали «на покаяние по католической вере» и выслали из Белостока с указанием «не позволять» ей «заниматься распутством»²⁴. Хотя Герша Ротенкруг и потерпел сокрушительную неудачу и был маркирован судом как «ложный доносчик», не лишним будет отметить, что содержатели борделей в целом воспринимались имперской властью как уже «суть собственно агенты полиции», по выражению министра внутренних дел Л. А. Перовского [Боровитинов 1910: 350]. Дискурс о содержателях публичных домов и проститутках как агентах российской (австрийской, немецкой) власти, которая якобы использовала их не только для узких агентурных задач, но и для общей цели деморализации поляков

²⁴ РГИА. Ф. 1345. Оп. 337. Д. 309. Л. 1–1 об., 44 об., 12 об., 56 об., 59, 67 об.

и распространения среди них венерических болезней, был распространен в польском обществе конца XIX — начала XX века [Jakubczak 2020: 7–8, 124–125]. Вопрос о том, выполняли ли агентурные функции некоторые из евреев — содержателей борделей в первой половине XIX века, а также об их восприятии в местных польских кругах и еврейским обществом, может послужить темой для дальнейшего исследования. Последующего развития заслуживает и сюжет о мотивах и жизненных установках самих проституток («women's agencу» англоязычной историографии проблемы), лишь мельком затронутый в настоящей работе.

При том что власть на более высоких административных уровнях периодически демонстрировала готовность к преследованию проституции, порой даже предписывая кагалам осуществлять надзор за нравственностью евреев, евреи, вовлеченные в «промысел непотребством», могли добиться снисходительного отношения местных чиновников и полиции, умело использовавших для этой цели принятый в документах того времени язык описания девиантной сексуальности. В первой половине XIX века в судебных материалах, связанных с проституцией, сохранялась та же нечеткость терминологии, что и в документах середины XVIII века²⁵. Помимо юридических терминов «непотребство» и «промысел непотребством», по отношению как к содержателям, так и к проституткам продолжали использоваться те же и сходные выражения: «блудодеяние», «блудная жизнь», «порочная жизнь», «развратная жизнь», «распутное поведение» и т. п. — в качестве синонимов и для проституции, и для содержания борделей, и для сводничества, и в значении нарушения моральных норм, а не в качестве четкой характеристики фабулы дела. Слово «девка» могло быть синонимом для проститутки, а могло и просто обозначать незамужнюю женщину из простонародья, причем евреи то причислялись к категории «простолюдинов», то выделялись в отдельную группу. Нечеткость определений позволяла и представителям властей, и свидетелям-евреям произвольно

²⁵ О XVIII веке см.: [Ролдугина 2016: 51–53].

маркировать одиноких евреек либо христианок, оказавшихся по каким-то причинам в еврейских домах и попавших в поле зрения полиции, как проституток, «подозрительных» либо «девок нераспутного поведения». Столь же широким был спектр профессиональных занятий содержателей борделей и проституток, не ограничивавшихся этими узкими специализациями и чаще всего владевших другими легальными и нелегальными «профессиями». В норме еврей был вынужден осваивать множество умений, а маргиналами в глазах общины оказывались группы, занимавшие узкую профессиональную нишу²⁶. Множественная специализация содержателей борделей и проституток может, таким образом, свидетельствовать об их немаргинальном или не полностью маргинальном статусе внутри еврейской общины. Мир еврейского криминала зеркально отражал ситуацию с профессионализацией в еврейском обществе. Об этнической специализации преступников-евреев можно говорить лишь в контексте их функционирования в мультиэтничной структуре преступного мира в регионе, да и сама их криминальная деятельность была невозможна без объединения с преступниками-неевреями и предоставления им услуг и убежищ в своих притонах. Евреи — содержатели борделей и проститутки были органичной частью мультикультурной криминальной городской среды, демонстрируя высокую степень аккультурации и адаптации к нееврейскому окружению, при этом, несомненно, оставаясь частью еврейской общины. Община, отдельные группы внутри общины и уважаемые евреи, обладавшие достаточным статусом, чтобы принять на себя поручительство за подсудимых, перед лицом властей выступали на стороне евреев и евреек, судимых за проституцию или содержание борделей, хотя дела о «непотребстве» выявляли и внутренние конфликты, связанные с доносом, рекрутчиной, экономической конкуренцией. Реакция общины также демонстрировала принятые на практике в еврейском обществе моральные нормы, которые очевидным образом отличались от галахических предписаний и их трактовки местной ученой эли-

²⁶ См. доклад В. А. Дымшица на конференции.

той. Таким образом, следственные дела о «непотребстве» и других правонарушениях евреев доносят до нас, пусть и в дискретном и деформированном спецификой источника виде, элементы альтернативной, низовой еврейской сексуальной культуры.

Литература и источники

Боровитинов 1910 — [Боровитинов М. М.] Доклад М. М. Боровитинова о публичных домах и различных фазисах в отношении к ним законодательства и медицины в России // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С[анкт-]Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. Т. 2. СПб., 1912. С. 336–356.

Булгарин 2001 — Булгарин Ф. В. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 782 с.

Губарь 2013 — Губарь О. Очерки ранней истории евреев Одессы. Одесса: ВМВ, 2013. 415 с.

Из прошлого Полтавщины 1906 — Из прошлого Полтавщины. Жалоба еврейского раввина в Думу на несоблюдение евреями обрядов // Киевская старина. 1906. Т. ХСIII. Май–Июнь. Отдел II. С. 20.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 5. 1831 г. Д. 791. «Дела по еврейскому комитету за 1826–1833 гг. Дело о евреях, приезжающих в столицы и другие внутренние города России». 1831 г. Л. 35 об., 48; Ф. 1297. Оп. 6. Д. 19. «О мерах к пресечению любострастной болезни по губерниям, и о командировании в оные врачей Зауера, Погорского и Тилле». Ч. 2. 1843 г. Л. 250 об.–251, 260–261 об., 318–319; Д. 23. «Об учреждении в городе Вильне, в виде опыта, на три года, врачебно-полицейского комитета». 1844 г. Л. 12–13; Ф. 1345. Оп. 236. Д. 143. «По жалобе еврейки Рашинской». 1838 г. Л. 5–12 об.; Оп. 239. Д. 296. «О евреях Мордко и жене его Бейле Розенберговых, судимых за развратное поведение». 1841 г. Л. 7 об., 8 об., 13–16, 20, 22 об., 25–25 об., 27, 28, 29 об., 36–36 об., 55, 66, 70 об., 72–75 об.; Оп. 326. Д. 270. «О отнятии евреем Ровтманом и женою его у мещанина Островского денег». 1825 г. Л. 18, 19 об., 20 об.–22, 16, 35, 37, 38 об.–41 об. 19 об., 164 об., 172; Оп. 333. Д. 112 А. «О существовавшей в городе Бердичеве воровской шайке. Первая часть». 1832 г. Л. 154 об.–156 об., 249 об., 385 об.–386, 399 об., 291 об.; Оп. 337. Д. 309. «О еврейке Ротенкруговой за воровство». 1836 г. Л. 1–1 об., 2 об., 6, 12, 12 об., 39 об.–40, 41, 44 об., 56 об., 59, 61 об.,

67 об.; Оп. 355. Д. 25. «Журналы и определения [Пятого (уголовного) департамента Сената] за 1–22 декабря». 1825 г. Л. 1213 об., 1222; Ф. 1582. Оп. 2. Д. 513. «По прошению купца Самоила Вейсмана о взыскании с мещанина Розеймана и жены его из покраденной у него суммы». 1821 г. Л. 5–7; Д. 1661. «Из херсонской палаты уголовного суда о мещанине Ицке Ванштейне, судимом за причинение мещанке Вульф ругательством тяжкой обиды». 1822 г. Л. 6, 8–8 об.; Оп. 4. Д. 2704. «От херсонского гражданского губернатора, об ограблении проживавшего в Херсоне поручика Теплякова разного звания людьми, в том числе о мещанине Шапе Майданнике и отставном подпоручике Игнате Томашевском, первом о взятии якобы от арестанта на сбережение вещей, а последний в продаже краденых вещей, и о бывшем херсонском вице-губернаторе Рюле в чинении им означенному Майданнику пристрастных допросов и побой») 1830 г. Л. 29–31, 12, 41, 157, 34, 35 об, 30, 48, 50, 98 об.–99, 56–56 об., 47 об., 141; Оп. 16. Д. 712. «По предложению господина обер-прокурора и кавалера князя Лобанова-Ростовского о цесарскоподданной Рейзе Крамаревой, судимой за воровство». 1827 г. Л. 20, 25.

Ролдугина 2016 — *Ролдугина И.* Открытие сексуальности: трансгрессия социальной стихии в середине XVIII века в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–69. DOI: 10.1353/imp.2016.0029

ПСЗ 1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. XXI: с 1781 по 1783 гг. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1085 с.

ПСЗ 2 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.). Т. IV: 1829 г. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1656 с.; Т. VII: 1832 г. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. 1492 с.

Bernstein 1995 — *Bernstein L.* *Sonya's Daughters. Prostitution in Imperial Russia.* Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1995. 344 p.

Dynner 2013 — *Dynner G.* *Yankel's Tavern: Jews, Liquor, and Life in the Kingdom of Poland,* Oxford: Oxford University Press, 2013. 272 p.

Jakubczak 2020 — *Jakubczak A.* *Polacy, Żydzi i mit handlu kobietami.* Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2020. 248 s.

Petrovsky-Shtern 2014 — *Petrovsky-Shtern Y. The Golden Age Shtetl. A New History of Jewish Life in East Europe.* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014. 448 p.

Ryan 1837 — *Ryan M. The Philosophy of Marriage in its Social, Moral and Physical Relations; With an Account of the Disease of the Genito-Urinary Organs which Impair or Destroy the Reproductive Function and Induce a Variety of Complaints, With the Physiology of Generation in the Vegetable and Animal Kingdoms.* London, 1837. 365 p.

Ryan 1839 — *Ryan M. Prostitution in London, with a Comparative View of that of Paris and New York, as Illustrative of the Capitals and Large Towns of All Countries and Proving Moral Depravation to be the most Fertile Source of Crime and of Personal and Social Misery; with an Account of the Nature Treatment of Various Diseases, Caused by the Abuses of Reproductive Function.* London, 1839. 447 p.

Marginal Professionals? Authority, Community and “Indecency” in Russian Trials against Jews in the First Half of the Nineteenth Century

Olga Minkina

ORCID: 0000-0003-3669-4721

PhD in history

Independent scholar

E-mail: ol.mink@yahoo.com

DOI 10.31168/2658-3356.2022.5

Abstract. Until 1843, prostitution in the Russian Empire was completely illegal. But were Jewish brothel keepers and prostitutes, in the eyes of both the Jewish community and non-Jewish neighbors, despised marginals or professionals who occupied a specific economic stratum?

While Jews who “made indecency into a trade” were tolerated by local officials and the police, the higher authorities periodically demonstrated a readiness to control and persecute deviant sexuality, sometimes even ordering kahals to supervise the morality of the Jews.

Jewish brothel keepers and prostitutes were part of multinational and multicultural criminal space. They were distinguished by a considerable degree of acculturation and adaptation to their non-Jewish environment. However, Jewish sexual workers and pimps were not only rejected by “pious” Jews, but were also incorporated into communal life. The fate of a Jew accused of keeping a brothel could become a subject of dispute within the community, which reveal conflicts related to denunciation, military conscription, and economic competition.

Keywords: prostitution, Jewish community, crime, profession

References

- Bernstein, L., 1995, *Sonya's Daughters. Prostitution in Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 344. DOI: 10.2307/41050012
- Dynner, G., 2013, *Yanke's Tavern: Jews, Liquor, and Life in the Kingdom of Poland*. Oxford, 272. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199988518.001.0001
- Jakubczak, A., 2020, *Polacy, Żydzi i mit handlu kobietami* [The Poles, the Jews and the Myth of Women Trafficking]. Warszawa, 248. DOI: 10.31338/uw.9788323543763
- Petrovsky-Shtern, Y., 2008, *The Golden Age Shtetl. A New History of Jewish Life in East Europe*. Princeton; Oxford, 448. DOI: 10.1515/978140085116
- Roldugina, I., Otkrytie seksual'nosti: transgressiia sotsial'noi stikhii v seredine XVIII veka v Sankt-Peterburge: po materialam Kalinkinskoi komissii (1750–1759) [The Discovery of Sexuality: Social Transgression in Mid-Eighteenth Century St.Petersburg Based on the Materials of the Kalinkin Commission]. *Ab Imperio*, 2016, 2, 29–69. DOI: 10.1353/imp.2016.0029